«Столица русского Чернобыля»: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ГАВРИЛОВА [1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Гаврилова, М. В. (2021). «Столица русского Чернобыля»: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС. *Фольклор и антропология города*, *IV*(1–2), 76–93. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-76-93.

Статья посвящена устной памяти жителей Новозыбкова Брянской области и основана на материалах, собранных во время экспедиции в этот город, прошедшей в сентябре 2020 года в рамках проекта «Народная история России». Одним из главных исторических событий, сформировавших современное лицо Новозыбкова, стала авария на АЭС в Чернобыле. Последствия этой катастрофы серьезно затронули Новозыбков, расположенный менее чем в 200 км от ее эпицентра. Хотя самого взрыва зыбчане не слышали, их город оказался на пути движения облака радиоактивной пыли, из-за чего он подвергся заражению, а немалая часть окружающих его территорий стала непригодной для проживания. Во время экспедиции рассказы жителей Новозыбкова об этих событиях часто звучали в интервью без наводящих вопросов со стороны собирателей. Анализ транскриптов интервью показал, что устные воспоминания зыбчан о последствиях Чернобыльской катастрофы содержат ряд общих сюжетных мотивов. Среди них — рассказы о «том самом» дне, о зловещих знаках и предчувствиях, о сокрытии истины местными властями, о случаях чудесного спасения от радиации, о связанных с заражением «репрессиях» и одновременно о поддержке со стороны Советского государства и др. Совокупность таких историй, повторяющихся во множестве интервью, можно рассматривать в качестве общего нарратива жителей Новозыбкова о Чернобыле. Этот нарратив стал не только выражением их общей эмоциональной оценки катастрофического события, навсегда изменившего Новозыбков, но и важной частью коллективной идентичности представителей данного локального сообщества.

Ключевые слова: Чернобыль, катастрофа, устная история, городской текст, нарратив

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197)

Novozybkov residents' narrative about the Chernobyl disaster

Maria V. Gavrilova [1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Gavrilova, M. (2021). "Novozybkov residents' narrative about the Chernobyl disaster. *Urban Folklore & Anthropology*, *IV*(1–2), 76–93. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-76-93. (In Russian).

This article dwells on the oral memory of residents of the city of Novozybkov, Bryansk Region. It is based on the materials collected during the expedition to this city, which took place in September 2020 during the work on the project "The People's History of Russia". One of the main historical events that shaped the modern face of Novozybkov was the accident at the nuclear power plant in Chernobyl. The consequences of this disaster seriously affected Novozybkov, a city located in less than 200 km from its epicenter. Although the locals did not hear the explosion itself, their city found itself in the path of the cloud of radioactive dust, because of which the soil in the city was poisoned, and a large part of the surrounding territories became uninhabitable. During the expedition, the stories told by Novozybkov residents concerning these events were often heard in interviews without any leading questions from the collectors. Analysis of interview transcripts demonstrated that oral memory of residents about the consequences of the Chernobyl disaster contains a number of common motifs. For example, there are stories about "that" day, about ominous signs and forebodings, about how local authorities hid the truth, about cases of miraculous escape from radiation, about repressions due to radioactive contamination and at the same time about support from the Soviet state, etc. Such stories, repeated in many interviews, can be viewed as a collective narrative by the residents of Novozybkov about Chernobyl. This narrative became not only an expression of shared common emotional assessment of the catastrophic event that changed Novozybkov forever, but also an important part of the collective identity of people representing this local community.

Keywords: Chernobyl, disaster, oral history, urban text, narrative

В сентябре 2020 года я принимала участие в экспедиции в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» в городе Новозыбкове Брянской области. Наш исследовательский проект был сосредоточен на изучении устной истории городов, расположенных на границе России с соседними странами. Новозыбков хорошо вписался в группу выбранных нами городов[1], поскольку он расположен рядом с двумя границами — с Украиной и с Беларусью, и в течение всей своей истории был очень тесно связан с обоими этими культурными регионами. Если посмотреть на карту, видно, что Брянская область как бы внедряется на территории обеих сопредельных стран, а Новозыбков находится на самом кончике этого «мыса». В разное время он даже бывал включен в состав Черниговской (1808–1919 годы) и Гомельской (1919–1926 годы) губерний, которые располагались на территориях сегодняшних Украины и Беларуси.

[1] Другими объектами нашего изучения стали Советск, Сортавала, Печоры, Выборг, Архангельск и Мурманск.

Основанный в XVII веке беженцами-раскольниками, Новозыбков не раз оказывался местом действия важных исторических процессов и событий. Будучи официальным центром религиозной жизни русского старообрядчества, Новозыбков также входил и в черту оседлости. В результате как старообрядческое, так и еврейское купечество сыграло ведущую роль в бурном развитии промышленности, начавшемся здесь в середине XIX века. В 1941–1943 годы, во время немецкой оккупации, Новозыбков, как и вся Брянская область, стал одним из пунктов «окончательного решения еврейского вопроса» и одновременно с этим местом ожесточенной партизанской борьбы советских граждан с нацистами.

Во время экспедиции мы с коллегами записали 21 интервью с местными жителями разных возрастов, уровней образования и профессий. У нас не было цели собрать большое количество материалов — не только потому, что мы были ограничены во времени и ресурсах, но и потому, что для нас гораздо важнее было провести взятые нами интервью по всей нашей «производственной цепочке»: качественно расшифровать их, занести истории в базу данных, чтобы они появились в виде точек на интерактивной карте «Народная история России»[2], и, наконец, подготовить транскрипты разговоров с зыбчанами для публикации на сайте.

Нас интересовали не только тексты и практики, связанные с городскими объектами, но и устная история Новозыбкова и окружающих его территорий. Среди всех исторических событий, сформировавших самоощущение жителей Новозыбкова, одно занимает особое место — это взрыв на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года. Дело в том, что чернобыльская катастрофа, будучи происшествием планетарного масштаба, случилась относительно недавно — на памяти многих нынешних жителей, а ее последствия затронули их всех без исключения.

Новозыбков располагается в 184 км (по прямой) от Чернобыля — то есть он ближе всего к эпицентру радиационного заражения по сравнению со всеми остальными городами России. В день аварии на ЧАЭС ветер дул именно в сторону Новозыбкова, так что город оказался тем местом, где радиоактивное облако пролилось в виде осадков. Из-за этого Новозыбков и его окрестности получили максимальную на территории России дозу радионуклидов и гамма-излучения. Однако, в отличие от жителей многих других соседних селений, зыбчане не были эвакуированы после аварии, хотя всего лишь в одном километре к западу от городской черты начинается зона, признанная непригодной для проживания людей (где радиационный фон превышает 40 кюри/км²). Новозыбков — это самый крупный из двух сотен населенных пунктов Брянской области, входящих в «зону отселения», и это самый пострадавший от радиации российский город. По словам одной из наших информанток, это придает ему статус своеобразной «столицы» российской части зараженной территории вокруг Чернобыля.

> Новозыбков столицей Чернобыля считается российского. Но здесь же еще первыми определили в России заражение[3].

Во время разговоров с зыбчанами складывается впечатление, что авария на атомной электростанции стала для Новозыбкова той вехой, после которой жизнь города изменилась кардинально и навсегда.

[2] pastandnow.ru

[3] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

> Повлияло на город у нас очень, и не в лучшую сторону, когда взорвался Чернобыль. С этого у нас город начал превращаться в деревню. Стали уезжать. ‹…› У нас же в городе, наверное, тысяч 60 населения было в то время, сейчас у нас 40, если есть[4].

Чернобыльская авария нашла отражение в вернакулярных практиках и целом пласте устного народного творчества в Украине, в Беларуси и России. Фольклору о Чернобыле посвящен ряд научных исследований, среди которых наиболее известны работы о черном юморе на тему последствий катастрофы [Kürti 1988, Fialkova 2001] и о «чернобыльской» конспирологии [Astapova 2020]. Отдельной важной темой является коммеморация — с одной стороны, официальная, в центре которой оказываются ликвидаторы последствий аварии (причем визуальная образность и риторика такой памяти позаимствована из советской мемориальной традиции, связанной с Великой Отечественной войной); а с другой стороны — неофициальная, в большей степени сосредоточенная на невинных жертвах катастрофы — на женщинах и детях [Stsiapanau 2010, Kasperski 2012, Johnson 2019]. Что касается устной истории чернобыльской аварии, то эта тема представлена только книгой нобелевского лауреата Светланы Алексиевич [Алексиевич 1997]. Эта книга, состоящая из записей разговоров автора с участниками и очевидцами событий, является важным историческим свидетельством и мощным художественным высказыванием, однако это не аналитическая работа, и ее материалы представляют собой не транскрипты, а авторские пересказы интервью, так что к ним нельзя относиться как к научной публикации.

Судя по нашим материалам, воспоминания о чернобыльской аварии является важнейшей частью «городского текста» Новозыбкова и одним из основных компонентов идентичности зыбчан. Память о судьбоносных и/или катастрофических событиях, существующая в сообществе, обычно оформляется в общий для его членов нарратив, который не только отражает эмоции и содержит оценки и выводы, разделяемые всем сообществом, но и обладает единой топикой и набором мотивов. Подобный нарратив служит одним из инструментов, с помощью которых данное сообщество выстраивает свою идентичность. Нечто похожее можно наблюдать в случае с другими локальными катастрофами — например, ураганом «Катрина». Американка Кэтрин Хориган в своей диссертации исследовала «репрезентативные тактики», используемые жителями Нового Орлеана в их нарративных воспоминаниях об урагане и наводнении, и то, как такие рассказы участвуют в формировании публичной памяти о катастрофе [Horigan 2013].

Со времен чернобыльской аварии прошло уже 35 лет и, хотя взрослые очевидцы этого события живы и находятся в здравом уме, этот срок более чем достаточен для того, чтобы нарративное воспоминание о нем «обкаталось» в устном бытовании, многократно прошло через *цензуру коллектива* [Якобсон, Богатырев 1971], совершив эволюцию от *мемората* к *фабулату* [Sydov 1939]. За это время успел оформиться своеобразный канон такого рассказа. Посмотрим, какие общие места содержатся в устных рассказах зыбчан об аварии на АЭС в Чернобыле.

[4] СБ — м., 1963. Зап. Н. В. Петров 5.09.2020.

Тот самый день

Как это нередко бывает с памятью о катастрофах, узловой точкой общего нарратива становится личное воспоминание рассказчика о дне, когда все случилось (см., например: [DiMarco 2007, Graff 2019]). Однако в случае с памятью о чернобыльской аварии в Новозыбкове мало кто вспоминает 26 апреля 1986 года — день взрыва и пожара на АЭС. Поскольку город находится почти в 200 км от Чернобыля, самого взрыва и последовавшего за ним пожара никто не слышал и не видел, а в советских СМИ долгое время о ЧП не сообщалось. Поэтому большинство рассказов зыбчан касается последовавших за аварией майских праздников — в первую очередь 1 Мая.

> Я вспоминаю именно этот... ну, вот не этот день, потому что этот день никто не помнит — он был обыкновенный, а 1 мая [19]86 года. Естественно, первомайская демонстрация традиционная[5].

Все рассказы о первых днях после аварии описывают то, как ничего не подозревающие люди радуются необычайно теплой погоде и спокойно занимаются своими делами на улице.

> Так получилось, что 4-го мая была Пасха. Поздно. А у нас дома православная семья так и осталась, то есть мы готовились. Никто ничего не знал. Погода стояла прекрасная. Тепло, солнце. На улице все там убирают. У нас же городок небольшой. Все там выбивают, красят, белят, ну, готовятся к празднику[6].

> Вот 1 мая я побыла на демонстрации, и мы поехали к мужу в деревню. И все люди были — кто-то пикники в лес там, все вот это было на природе. Никто ничего же не говорил, что нужно сидеть хотя бы дома[7].

> Это было 1 мая, после 27-го [апреля] — самый солнечный был день, жаркий день. Наверное, было градусов 35. Конечно, была демонстрация, был праздник. Детки все раскрыты, без рукавов... Хотя бы сказали: головные уборы оденьте или что-то. И вот мы выперлись на эту демонстрацию. ‹...› Потом люди все поехали на маевки — в леса, на речки, потому что это был выходной день, жаркий солнечный день. И вот мы были в неведении недели две, наверное[8].

Горожане спокойно выходят в легкой одежде на традиционную первомайскую демонстрацию, но при этом замечают, что городское руководство и функционеры КПСС ведут себя странно.

> Первое мая, я опять была у родителей, и помню солнце. Тепло, и мы деток открытые ручки, а сами раздетые, шли и хвалили партию Ленина. А наши руководители в наглухо застегнутых френчах стояли на трибуне[9].

Многие высказывают претензии к властям за то, что они знали о произошедшем и старались уберечь себя от радиационного заражения, но скрывали правду от населения. Более того, людям не только ничего не сообщали, но и гоняли их на праздничные демонстрации и даже на полевые работы, подвергая смертельной опасности.

[5] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И.В. Козловой 5.09.2020.
[6] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[7] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И.В. Козловой 5.09.2020.
[8] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.
[9] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

Вы знаете что, несправедливое отношение было к людям. Я понимаю, что это беда, ни от кого не зависящая. Но можно было хотя бы сказать. Хотели утаить это дело, да? Не хотели, может быть, паники, не хотели пугать людей. Может быть, сами еще не были подготовлены к этому. Но можно было сказать: не выпускайте людей на улицу — солнечная радиация[10].

1 мая демонстрация — все на демонстрацию. Никто ничего не знает. 5-го числа сказали, что Чернобыль. ‹…› Получается, Горбачев сказал 5-го по телевизору. И 9 мая Парад Победы. Люди одевали болоньевые плащи, что-то сверху, чтобы руки закрыть, но все равно шли на этот парад. То есть никто ничего не закрыл[11].

Я знаю, что в соседнем городе в Злынке руководитель запретил всем: закройтесь и закройте форточку, сидите. А эти ни слова не сказали, только через какое-то время, какое-то движение, неспокойство было. Я работала в музыкальной школе, ‹…› с нами работала жена первого секретаря горкома партии Вера Ивановна Подовегова. И вот она до этого детей отправила из города — ну, так на тихую, мы не знали. А потом уже, когда прошло какое-то время, мы ездили в колхоз — нас отправляли на сельхозработы — она: «Вот надо йодом помазать запястье что-то». Но уже прошло восемь дней, это уже было как мертвому припарка[12].

Прозорливцы

Следующим важным сюжетным элементом новозыбковского нарратива о Чернобыле является раскрытие горожанами правды вопреки преступным попыткам властей скрыть произошедшее. Несмотря на молчание официальных источников, люди различными путями узнавали о катастрофе почти сразу после 26 апреля, а некоторые — даже и до рокового дня.

Мама мне сказала сразу, наверное, 27-го где-то — Тернополь. Не Чернобыль, а Тернополь. Ну, это же далеко, Тернополь. Взрыв, а у нас ничего не слышно[13].

До этого я видела, во-первых, сон, как это Чернобыль, не Чернобыль… Я видела огромное зеленое поле, и вдали вдруг гриб такой вырос белый страшный, и черное вверху. И я знала, что это атомный взрыв, это было до того как раз, видимо, или в ночь[14].

Некоторые горожане замечали подозрительную активность на местном аэродроме.

26-го авария, а наутро уже все знали. Самолеты летали. Осадку-то делали куда — на Новозыбков, чтобы на Москву не пошло. Радиационное облако шло, и они же стреляли. Самолеты летали военные. У нас же тут военная часть. Аэродромы. Вот они летали и облака осаживали, чтобы на Москву не пошло. И чтобы дальше не пошло, за границу. Ну, и утром все узнали. Думали, учения сперва, а утром уже передали. Уже не скроешь[15].

[10] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.
[11] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[12] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.
[13] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[14] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020. Ср.: «А в тот день, когда Чернобыль этот проклятый случился, мне снились пчелы, много-много пчел. Летят и летят куда-то. Рой за роем. А пчелы — это на пожар. Земля загорится…» [Алексиевич 1997: 87].
[15] м-1. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

Те, в чьем распоряжении были дозиметры, не могли поверить, что приборы действительно сигнализируют о резком повышении радиационного фона.

И вот придя уже после 1 мая в школу, почему-то наш учитель ОБЖ стал рассказывать про свои приборы... тогда это он не ОБЖ был, а военрук, и он стал говорить про приборы, которые у него почему-то все звенят. Пикают, сигналы издают. Говорит: «Ничего не могу понять, то ли сломались они, то ли что»[16].

В Новозыбкове называют двух инициативных людей, которые не только раньше других узнали о взрыве, но и стремились донести эту информацию до общественности, в то время как городские власти этому препятствовали.

У нас рассказывали — Сизов, вот вы у него спросите. Приборы, приборы испортились, и он с этим пошел в «белый дом», тогда еще горком партии. И ему сказали, что все, молчок — ты ничего не говоришь, ты ничего не знаешь[17].

У нас есть тут такой Сизов Валера — он первый обнаружил это дело. Ну, ему сразу закрыли рот и сказали: «Сиди ровно». ‹...› А потом еще у нас был завсанэпидстанцией Ка́план — он стал бить тревогу. И благодаря ему мы добились льгот, стали поднимать вопрос, что нужно как-то укрываться, детей по-мало-мальски не выпускать на улицу[18].

Многие зыбчане рассказывают об удивлении и чувстве безотчетного страха из-за странных природных явлений, которые наблюдались вскоре после аварии на АЭС, например урагана и пылевой тучи.

А на следующий день у нас был такой страшный ветер! И ребенок мой — на Бульварной [улице] я еще тогда жила — на улицу вышел, с детками гулял. Такой страшный [ветер] — я схватила его, бегом домой, потому что это ураган был какой-то. И помню, что и козы соседские бегали куда зря, потому что страшно было, какой-то вот страх[19].

Это было где-то 27-го [апреля]. Мы ехали и опоздали на автобус на Новозыбков. Автобус перед носом у нас ушел, нам пришлось стоять ждать или идти с большой сумкой на вокзал. И вот я повернула, и вдруг на меня несется что-то такое огромное, черное, бумажки летающие... На тебя это все несется, ты стоишь и не знаешь, куда уйти. И я стояла и шла по этой дороге, ничего не видя... Какая-то черная туча песка непонятного... Я думала, я задохнусь. Наверное, минуты три эта туча летела. Я прошла — вот он уже и вокзал. Но я не понимаю, что это такое. Это как раз вот с Климова все неслось. ‹...› Люди многие это облако видели. Потом уже, когда объявили, они тогда вот: «А, так это ж оно, наверное, и летело»[20].

После злосчастной первомайской демонстрации люди наблюдали непонятный рыжий налет на лужах и на земле.

Мы только прошли, и вдруг ливень начался. Такой сильный! ‹...› Вот высунуться было невозможно, стеной шел этот ливень, и он очень быстро закончился ‹...›. Мы идем, и все обращают внимание, что лужи оранжево-желтого цвета. И все говорят: «Глянь, а что это такое? А почему? Ой, какие! Это, наверно, что-то цветет сей-

[16] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[17] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[18] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.
[19] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.
[20] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

час, это пыльца». Мы тогда не придали этому значения. Ну, какая пыльца так может цвести 1 мая? Вот прямо такие разводы по окантовке каждой лужи[21].

На 1 Мая они, значит, ходили, и после дождя желтая земля. Может, это просто цветочки опадали — дак они думали...[22]

Чудесное спасение

Следующий важный мотив в нарративе о катастрофе — рассказ о чудесном спасении от влияния радиации. Счастливчиками в таких историях чаще всего оказываются дети — это не случайно, поскольку здоровье детей в зоне заражения вызывает у горожан самое большое беспокойство, так что рассказы о подобных случаях (неважно, реальных или нет) явно выполняли компенсаторную функцию[23]. Причина спасения могла быть самой банальной — например, удачный отъезд в санаторий по путевке.

Знаете, как посчастливилось? Вот бывает, как в сказке. Я пришла в больницу, а мне вдруг говорят: «Горячая путевка. Вы девочку не повезете?» А у меня очень была больная девочка, «желудочная». Я говорю: «Повезу». И мы поехали. ‹...› Я этот самый месяц, когда здесь все это было, культея — я отдыхала в Ленинграде. Вот просто, знаете, не было бы счастья, да несчастье помогло[24].

В другом случае девочка вовремя воспользовалась школьной хитростью для прогула — и благодаря этому спаслась.

Был такой анекдотичный случай, что девочка училась в школе и не захотела идти на урок, взяла выпила йода — чуть-чуть на сахар накапала, и пошла в больницу. Поднялась температура, и пошла взяла справку — освобождение от школы. Тем самым она спасла себе здоровье: у нее когда проверяли — комиссии же приезжали из Москвы, из Питера — у нее совсем почти не было никаких поражений[25].

Дети могут оказать чудесно спасенными от радиации даже вопреки всем обстоятельствам.

Нас проверяли тогда медицинские работники — проводили диспансеризацию. У меня через дом жила многодетная семья неблагополучная. У них маленькие дети — один годика полтора, второму годика 4, и лет 6 — в общем, три еще дошкольника. А у людей же было тогда как — около двора вишня на улице, смородины кусты — все это высажено было. ‹...› И вот эти детки брошенные идут втроем... Этот малой сидит, у него грязь течет по рукам. И они по улицам рвут эту смородину — вот так вот ест с кулака. И когда мы пошли, мать эта... «Вот ты пошла, сколько у вас там показывает дозиметр?» А она говорит: «У моих детей показал чистый». Чисто! Вот чей как организм воспринимал, понимаете? Вот мы все старались ничего этого не кушать... Все ж мытое, все чистое. А они объели все сады, прошли все огороды — все прочистили. И тьфу-тьфу-тьфу, дай Бог, они пусть живут[26].

[21] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

[22] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

[23] Эти сюжеты перекликаются с сюжетами православных икон и религиозных картин, написанных на тему чернобыльской катастрофы. Елена Ромашко в своей статье показывает, что персонажами большинства из них оказываются пострадавшие дети и горе матерей — в отличие от официальных коммеморативных изображений, прославляющих исключительно мужчин-ликвидаторов [Romashko 2020].

[24] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

[25] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

[26] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

В историях о радиации и чудесном спасении от нее прослеживаются параллели с тем, как люди в 2020–2021 годы реагировали на пандемию коронавируса. Так же, как и в случае с вирусом, людям в зоне заражения очень хотелось верить в защитные свойства самых простых средств — йода, грязи, пробежки, лука, холодной воды и озарения свыше[27], — тем более что ничего другого им в тот момент не было доступно.

> Я помню, 30-го числа сажала картошку, было так тяжело. ‹...› Я помню, пришла домой, съела луку с огурцом с водой и с черным хлебом — он мне давал энергию. Почему-то я в те дни — может быть, это меня выручало — все равно утром бегала и обмывалась. Вот какое-то было у меня чутье или просветление Божие. То есть я себя этим как-то сберегла, хотя все вот пострадали, у всех щитовидки[28].

Жестокое государство / доброе государство

Еще одна крайне важная тема, которая сквозит почти во всех рассказах о последствиях Чернобыля, — неоднозначная реакция Советского государства на катастрофу. С одной стороны, у людей есть большое количество претензий — как за сокрытие правды, так и за жестокость к людям, попавшим в зону заражения, сравнимую с тем, что происходило во время войны[29].

> Начали забирать скот. У местного населения. И я помню, как бабушка моего мужа Ульяна — как она рыдала, как плакала, когда у них забирали корову. Это было вообще для нее такая трагедия. ‹...› Разрешили только оставить курей. Коров насильственно забирали, свиней тоже. И она плакала, кричала, говорила — это вот как в войну. Она вот сравнивала вот эту ситуацию, как во время войны вот забирали насильственно скот, угоняли и все прочее[30].

Помимо конфискации, происходило массовое насильственное выселение в традициях репрессивных кампаний 1930–1940-х годов. Люди переживали это крайне тяжело, так как при этом распадались их локальные сообщества.

> Это село [д. Красный камень] подлежало полностью выселению, там очень большая была радиация. ‹...› Первые годы люди съезжаются — там же родственники, на могилки. У нас есть день поминовения родителей — это второй вторник после Пасхи. Радуница, но у них Кувутки называют. ‹...› И вот приезжали целыми... Нанимали автобусы, кто-то на своих машинах, кто как добирался. Подъезжаешь к кладбищу — гул стоял, рев. Они плакали не по умершим, они плакали по своей судьбе — что всех разбросали, стали все чужими[31].

Из Новозыбкова также набирали первые команды ликвидаторов — при этом призыв был не добровольным, и людям не рассказывали всей правды о том, какая судьба их ждет.

[27] О защитных свойствах аналогичных веществ против коронавируса см.: [Гаврилова 2020].

[28] ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020. Ср.: «Откуда-то рецепты появились: ложку гусиного помета на бутылку водки. Два дня настоять и пить. Чтобы это дело… ну, мужское наше не пострадало…» [Алексиевич 1997: 57–58].

[29] Ср.: «А у нас — эвакуация. Переселение. Штурмуют хаты. Люди позакрывались, попрятались. Скот ревет, дети плачут. Война! А солнышко светит… Я села и не выхожу из хаты, правда, на ключ не закрывала. Постучали солдаты: “Что, хозяйка, собралась?” Спрашиваю: “Силой будете мне руки и ноги связывать?” Помолчали, помолчали и пошли. Молоденькие-молоденькие. Дети! Бабы на коленях перед хатами ползали. Молились. Солдаты под руки одну, другую — и в машину. А я пригрозила: который до меня дотронется, силу свою покажет, тот кием получит ‹…› Рассказывали: шла колонна людей… И шла колонна скота. Война!» [Алексиевич 1997: 26].

[30] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

[31] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

> Здесь же у нас был создан 1-й батальон 1-го полка. Вот они — ребята, которые отсюда уехали в Чернобыль. Живши здесь, они призваны были в Чернобыль для того, чтобы строить дамбу. Из этого всего отряда осталось — в этом году еще два умерло — 8 человек. Все они умерли. ‹…› Вот мой муж, он тоже был ликвидатором. А он был в отпуске. Он только приехал домой, был у родителя, и в 10 часов вечера подъехало такси, ему сказали: «Три минуты на сборы», — и он уехал. Только забежал на работу, мне сказал: «Я уехал надолго». И потом, когда пришла домой, я поняла, сидя одна, куда его забрали[32].

Государство даже запрещало жителям зараженных территорий рассказывать о том, что они получают «радиационные» выплаты, которые зыбчане мрачно называют гробовыми.

> Это сейчас можно все говорить, а в то время нельзя было говорить. В то время, не дай Бог, скажешь, что «гробовые» получил. На остановке стоял и сказал про «гробовые» — иди сюда[33].

Как и в случае с коронавирусом, недостаток информации в сочетании с репрессивными мерами со стороны властей вызывал «фольклорную реакцию»[34] в виде конспирологических слухов. Согласно одному из них, власти скормили жителям Новозыбкова мясо зараженного скота вместо того, чтобы уничтожить его.

> Они же были убиты, эти все животные, да? Потом, когда интересовались, то куда привезли? В Новозыбковский мясокомбинат. Куда потом это мясо пришло? Все равно на прилавки наших магазинов. Естественно, никто мясо из Новозыбкова — ни Москва, ни другие города — не покупали, потому что знали, что это грязное мясо. Мы же его и ели[35].

Как в случае радиации, так и в случае коронавируса люди столкнулись с невидимым и в то же время вездесущим врагом. Как мы помним, в начале 2020 года немалое количество россиян заявляло, что «никакого коронавируса нет» — точно так же в 1986 году жители Брянской области говорили о том, что «никакой радиации нет»: это или заговор властей против граждан, или диверсия американцев[36]. Поэтому, с их точки зрения, незачем было соблюдать официальные рекомендации для защиты от радиационного заражения.

> [Ходили слухи,] что радиации нету, все трещат и трезвонят, чтобы не платить людям[37].

> Слухи, что это все неправда, это происки американцев — только навредить и так далее. Никто не верил, как такое могло случиться — какая-то атомная электростанция взорвалась. То ли это диверсия какая-то, то ли специально… Вообще не верили. Очень многие люди отказывались даже элементарные меры [соблюдать],

[32] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020. Ср: «Вдруг приходят, вручают повестку и говорят, что внизу уже ждет машина. Такой “воронок” специальный. Как в тридцать седьмом году… Брали по ночам. С постели, тепленьких» [Алексиевич 1997: 54].

[33] м-1. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

[34] О понятии «фольклорная реакция» в связи со слухами о коронавирусе см.: [Архипова, Радченко и др. 2020].

[35] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

[36] «— А ты видел, где произошел взрыв? Что там? Вы ведь первые туда попали… — Скорее всего, это вредительство. Кто-то специально устроил. Все наши ребята такого мнения» [Алексиевич 1997, 12]. «Я думаю, что никакого Чернобыля нет, придумали. Обманули людей» [Там же, 35].

[37] м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

которые им навязывались. «Да что вы говорите, это неправда все! Вы делаете это специально!»[38]

Однако в то же самое время многие зыбчане вспоминают о постчернобыльском периоде с некоторой ностальгией, поскольку вместе с репрессиями они получали от государства и ощутимую поддержку (в отличие от ситуации с коронавирусом). Помощь пострадавшим включала как выплату «гробовых», так и бесплатные путевки для детей всех возрастов в год аварии и в последующие годы.

Был организованный выезд. Бесплатно. Школьников отправляли в пионерские лагеря на все лето. Я почему хорошо знаю, потому что моя золовка, сестра моего мужа — у нее был маленький ребенок. Года два было этой племяннице, и вот ее на все лето вывезли… Естественно, и других дошкольного возраста с мамами вывозили[39].

До Чернобыля путевку с детьми получить было просто нереально. ‹…› Я так понимаю, в зависимости от ранга работающего — по качеству, но все равно мы были очень довольны. Вначале мы поехали во Владикавказ — нам дали путевку на 24 дня с двумя детьми, там хорошо мы отдыхали. Потом вторую — мы ездили в Балаково, тоже на 24 дня. Две путевки на нас давали[40].

Кроме того, детям из зон заражения по сей день предоставляется преимущественное право зачисления в российские вузы («чернобыльская поблажка»)[41].

У нас была поблажка чернобыльская эта, что могли с любой с тройкой пойти в любой институт. И шли вне конкурса, вне конкурса поступали[42].

Помимо советской, а в дальнейшем российской государственной поддержки, дети Новозыбкова получали помощь из-за рубежа, благодаря которой их каждое лето бесплатно вывозили в разные страны Европы[43].

Вот помощь у нас — дети начали ездить за рубеж. Германия, Франция, Италия. В Швейцарию ездили, в Испанию ездили. Трудно назвать страну, где нас не принимали. ‹…› Например, мы в Италию вывозили — только из Новозыбкова по 360 детей в год. По два самолета[44].

Все знают, что мы из зоны отчуждения, из радиационной зоны. Из-за этого детей стали отправлять в разные страны — в Испанию, в Данию, в Германию, в Италию, Ирландию. И вот ты ездишь благодаря программе «Дети Чернобыля»[45].

Одно из связанных с Чернобылем обстоятельств, которые зыбчане вспоминают с явным удовольствием, — это хорошее снабжение продуктами, которое особенно ярко контрастировало с пустыми полками магазинов во всей остальной стране[46].

[38] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[39] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[40] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[41] На основании Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».
[42] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.
[43] Подробнее об этом см.: [Bodrunova 2012].
[44] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[45] ЧД — ж. 2001. Зап. И. В. Козловой 3.09.2020.
[46] «Радио включу. Пугают и пугают нас радиацией. А нам при радиации стало лучше жить. Крестом

Это же представьте — [19]80-е годы, когда проблемы с продуктами питания у нас были очень большие: пустые магазины. А у нас во время [19]86 года начали очень хорошо снабжать. И продуктами питания иностранного происхождения — все эти «глобусы» белорусско-венгерские, компоты, ветчина — в консервах все это. Сумасшедшее количество разных тушенок и так далее[47].

Нам оказали, конечно, большую помощь чем — продуктами чистыми. Потому что нам тогда запретили — ни с огорода, ни фрукты, ни овощи свои не кушать, молоко не пить, ни рыбу не ловить, ни в лес не ходить. Брянские леса наши ягодные, грибные — нам все запретили это кушать. ‹…› Нам давали что: и сгущенку, и тушенку, и макароны, и очень много продуктов, которые вот консервированные[48].

Продовольственное снабжение Новозыбкова и окрестностей после чернобыльской аварии было настолько хорошим, что местные жители охотно помогали продуктами жителям других городов.

Я своей подруге в Брянск привозила все время, потому что они этого не видели, а у нас сгущенка ящиками. Я помню, что если ты хотел кому-то из родственников помочь, то ехал в любую деревню и в любом магазине покупал. Ну, не выкупалось это местным населением[49].

Мы впервые увидели тогда кофе растворимый. Это был вообще дефицит. Бразильский в железных банках, что вы! Я когда поехала в Анапу — там живет моей племянницы свекор, и я ему дала эту банку. Он шел через рынок. Он говорит: «Лариса, ты больше мне такого не привози, за мной толпа людей бежала — спрашивали, где я купил»[50].

Заражение

Важным мотивом в нарративе о чернобыльской катастрофе является рассказ о, собственно, радиоактивном заражении. Рассказчики часто выражают драматизм, противоестественность и несправедливость этой ситуации через описание невероятно богатого урожая лета 1986 года, чрезвычайно щедрых даров леса — в сочетании с невозможностью все это есть[51].

Урожай был великий. Такого урожая не было в этом регионе. И когда муж приехал… а я яблоки собрала. Такие яблоки! Все в подвал поставили. Муж приехал — мы были во второй зоне, нам ничего есть не давали: «Ты что здесь понагрузила? Выкинь!» И как мне было жалко! Красные красивые яблоки наливные, выброшенные на… И мы до сих пор стараемся не есть ничего. Мы не ходим в лес, мы не берем этой черники[52].

побожусь! Ты погляди: завезли апельсины, три сорта колбасы, пожалуйста! В деревне! Мои внуки полсвета объехали. Меньшая девочка вернулась из Франции, это же когда-то Наполеон оттуда наступал… “Бабушка, я видела ананас!” Второго внука… Братика ее в Берлин на лечение брали… Это туда, откуда на нас Гитлер пер… На танках…» [Алексиевич 1997: 35].

[47] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

[48] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

[49] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

[50] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

[51] Ср.: «Бабка несет корзину яиц — конфисковать и закопать. Подоила корову, несет ведро молока. С ней солдат. Похоронить молоко… Выкопали они тайком свою бульбочку — забрать. И свеклу, и лук, и тыкву. Похоронить… По инструкции… А все уродило на славу, на зависть» [Алексиевич 1997: 44]; «Белые грибы хрустели под колесами машин. Разве это нормально? В реке плавали толстые и ленивые сомы, раз в пять-семь больше привычного. Разве это нормально?» [Там же: 46].

[52] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

Ну, как утаишь, как детей заставишь не кушать, когда было изобилие всех — и смородины, и вишни, и яблоки? Как на грех[53].

По рассказам горожан, радиационная опасность в самом Новозыбкове неравномерна — некоторые участки по сей день показывают большую степень заражения, чем остальные.

Одно из самых радиоактивных мест в городе — это парк. В городском парке — там главный вход, и на другом конце парка самый высокий фон[54].

Обычно раньше в «Маяке», в нашей местной газете, печатали карту новозыбковскую — обозначали пятнами, где больше всего. Вот тут больше всего радиации[55].

Из-за знания о повышенном радиационном фоне в Брянской области зыбчане сталкивались с фобиями и дискриминацией, причем как во внешнем мире, так и в родном городе. По словам одной из рассказчиц, Владимир Жириновский, начинавший тогда свою политическую карьеру, на полном серьезе предлагал никого не эвакуировать с зараженных территорий, а, наоборот, закрыть оттуда выезд.

Жириновский говорил, что это дорого — надо обнести колючей проволокой и спалить, чтоб на них денег не тратить. Это прямо во всеуслышание, и в газетах было написано[56].

Те, кто все-таки переселился с Брянщины в «чистые» районы страны, рассказывали, что люди отворачивались от них, как от чумных, боясь радиоактивного заражения.

Уже в начале [19]90-х все начали понимать, что это серьезная катастрофа, и даже появилась фобия, когда люди реально боялись здесь жить. ‹…› Но многие стали возвращаться назад через несколько лет, потому что там они оказались с другими проблемами — в том ключе, что [с их детьми] не хотели сидеть за одной партой. [Потому что они «заразные»?] Да, да! Потому что не было достоверной информации, что это такое. С детьми не хотели дружить[57].

По мнению некоторых граждан извне, жители Новозыбкова из-за радиации должны были даже светиться в темноте.

[М2:] Тут рассказывали, что мы ночью светимся. Люди ночью ходят и светятся. [М1:] Смотрят стоят вечером. Чего смотрят? «Подыми футболку». — Я говорю: «Вы чего, тупорылые что ли?» ‹…› В то время, в [19]90-е, приезжали в Москву. На заработки едешь, а тебе говорят: «Подыми футболку, светишься?»[58]

[53] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

[54] ХА — м., 2004. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

[55] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

[56] КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

[57] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020. Ср.: «Разговор с другой девочкой… Она поехала в пионерский лагерь и там подружилась с одним мальчиком. “Такой хороший мальчик, — вспоминала она, — все время мы проводили вместе”. А потом его друзья сказали ему, что она из Чернобыля — больше он к ней не подошел ни разу» [Алексиевич 1997: 80]; «Когда мы уже переселились в Могилев и сын пошел в школу, в первый же день он влетел в дом с плачем… Его посадили вместе с девочкой, а та не хочет, потому что он радиационный, и если с ним сидеть, то можно умереть. ‹…› Они все его боялись, называли “светлячком”… “чернобыльским ежиком”…» [Алексиевич 1997: 97–98].

[58] м-1, м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

Поскольку ситуация с аварией в Чернобыле была беспрецедентной, в Новозыбков в 1990-е годы приезжало большое количество международных исследовательских групп — проводить замеры и брать у местных жителей медицинские анализы. Зыбчане воспринимали это внимание негативно, поскольку им не были известны ни цели этих исследований, ни их результаты, и даже данные замеров были им совершенно непонятны. Люди не просто пострадали от облучения, но еще и были унижены положением подопытных кроликов, которым никто не считает нужным ничего объяснять.

> Сюда же огромное количество приезжало различных иностранных групп из исследователей. У нас каждую неделю на площади стояли какие-то машины, где можно было обследоваться — и кровь там брали, и все, что угодно. Американцы, итальянцы, французы, японцы. ‹…› Ну, вот все эти исследования — потом никто не узнал результатов. Мы-то думали, что вот мы… Вот представьте, вы выходите, вам замерили радиацию. Вам называют число, оно вам ни о чем не говорит. Потом приехали другие, они называют совершенно другое число[59].

> [М1:] Приезжали постоянно. Дозиметры ставили. [М2:] А большинство побухать приезжали. [М1:] В гостиницу приехали, номер сняли, зашли в «Березку», лапанули и поехали дальше. [М2:] Были тут артисты-дозиметристы. [М1:] Они пойдут, под углом у гостиницы «пипикнут» и поехали дальше. В ресторан и домой[60].

Коммеморация чернобыльской катастрофы

При том, что последствия взрыва на Чернобыльской АЭС занимают важное место в нарративе зыбчан, в городе, по сути, отсутствует памятник ликвидаторам и пострадавшим.

> Во всех почти районах области есть… в области памятники есть Чернобылю, в городе, который больше всех пострадал, и в котором собирался первый батальон, и здесь формировалась часть — его нету[61].

Впрочем, по мнению некоторых горожан, памятник катастрофе в Новозыбкове «везде».

> У нас памятник Чернобылю, он есть везде. Возьмите человека, у нас заболеваемость в два раза выше, чем в среднем в России. Вот вам памятник. Средняя продолжительность жизни — то же самое. Аллергии, болезни органов пищеварения. И все-все-все у людей в два раза выше, чем в среднем в России. Вот вам зримый памятник[62].

По словам наших собеседников, местные власти начали проявлять своеобразное отношение к коммеморации событий 26 апреля 1986 года чуть ли не с самого начала.

> Отмечать этот день начали… я думаю, что где-то с [19]96 года. Вот, наверно, 10-летие, да. И почему-то сначала это напоминало празднество. ‹…› Было театральное действие прям на площади [Ленина]. Тогда же еще памятника не было, и движение было от [памятника] 307-й дивизии к этой площади, и потом на площади была театральная… ну, такое представление типа массового флешмоба какого-то.

[59] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[60] м-1, м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.
[61] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.
[62] ПС — м. 1990. Зап. М. В. Гавриловой 23.07.2020.

‹…› Ну, в таком ключе, что вот мирная жизнь, потом вот он взрыв, потом появляется группа этих танцоров в белых одеждах, изображающих матерей с детьми, и так далее. ‹…› А вообще в целом настроение какое-то было праздничное. Все фотографируются, веселуха. И все это переходило плавно в концерт. Кроме этой минуты, когда там они… минута скорби — колокола звучали. И все. Поэтому как-то оно вразрез шло с общим… Все люди, которые участвовали, приходили — не так много массовых таких мероприятий в городе, и поэтому, естественно, люди приходили — и все возмущались. Ну как можно веселиться, если это трагедия?[63]

В итоге неофициальным новозыбковским мемориалом Чернобыля стала скульптура «Скорбящая мать» — именно возле нее сейчас проходят ежегодные мероприятия в память о катастрофе. Интересно, что в глазах зыбчан «Мать» больше похожа на настоящий памятник, чем расположенный тут же памятный знак.

Когда «Мать» поставили, там все время делались митинги по Чернобылю. 26 апреля там проходили митинги. И тогда было сделано такое… это не памятник, это памятный знак — вот такой вот круглый знак, и там написано… и огонь вечно горит[64].

Возможно, это связано с историей «Скорбящей матери», которая весьма примечательна. Первоначально эта скульптура была установлена в находящемся неподалеку селе Святск, знаменитом тем, что его уроженцем является герой Великой Отечественной войны танкист Давид Драгунский. По легенде, моделью для «Матери» стала мать самого Драгунского.

Памятник со Святска перенесли — Скорбящей матери. И говорили, что то ли позировала, то ли брали за образец мать Драгунского. Его мать там жила[65].

Святск, который считался престижным и во всех отношениях образцовым поселением, очень сильно пострадал от радиации, поэтому он был полностью эвакуирован сразу после аварии. Однако скульптуру не забыли, и, несмотря на заражение, зыбчане регулярно приезжали к ней и приводили в порядок до тех пор, пока в 1990-е годы не было принято решение перевезти «Мать» в город, вместе с памятником самому Драгунскому, который установили во дворе Новозыбковского педагогического колледжа.

«Скорбящая мать», однако, служит местом памяти далеко не только Чернобыля — возле нее проходят мероприятия по всем скорбным событиям — от шествия «Бессмертного полка» до стихийного мемориала в память о детях, погибших при пожаре в «Зимней вишне».

У нас больше вот эта, Скорбящей матери. Вот раньше на этом месте проводились массовые мероприятия в день памяти Чернобыльской катастрофы, 26 апреля. Там начинался митинг, там общее такое построение, потом движение. Потом к этому уже Скорбящей матери присоединили и в том числе Бессмертный полк. И теперь, когда у нас начинался Бессмертный полк, он тоже начинался возле Скорбящей матери. Он такой, получается, у нас двойного назначения — и про Чернобыль, и про 9 Мая[66].

Когда в Кемерово горела «Зимняя вишня», торговый центр, вот многие к Скорбящей матери подходили и там цветы возлагали, игрушки, фотографии и всё-всё-всё — поддержку таким образом высказывали. Когда хор [им. Александрова],

[63] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.
[64] СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.
[65] АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.
[66] ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

самолет разбился и там участники, один из них — он был выходцем из Новозыбкова, тоже здесь возле Скорбящей матери. Ну, здесь в основном место скорби. Когда происходят какие-то теракты либо несчастные случаи и прочее, тогда собираются[67].

Выводы

Итак, мы видим, что в устных рассказах зыбчан о чернобыльской катастрофе прослеживается ряд общих мотивов.

Как правило, подробно описывается роковой день, которым для жителей Новозыбкова является не 26 апреля, а 1 мая — день, когда они впервые заметили нечто необычное. Описание «того самого» дня строится на контрасте прекрасной погоды, весны, беззаботности горожан и противоестественности происходящего: наглухо застегнутые костюмы начальства в жаркий день, странная активность самолетов, загадочные погодные явления и т. п. Также в рассказах о дне катастрофы часто противопоставляется незнание (для простых людей) и знание (для начальства и отдельных особо внимательных и прозорливых граждан) о случившемся.

Важное место в общем нарративе занимают истории о спасшихся детях — эти истории смягчают самое большое для людей беспокойство и таким образом выполняют компенсаторную функцию. С одной стороны, дети чудесным образом избегают радиоактивного заражения благодаря счастливому случаю или даже вопреки всем обстоятельствам, а с другой их спасает Советское государство, выдающее им бесплатные путевки, и мировое сообщество, которое дает им возможность посещать по специальной программе страны Европы.

Не менее важны и рассказы о вероломстве и жестокости представителей власти. Они скрывали от населения ужасную правду, выгоняли людей на демонстрации и полевые работы, где те подвергались облучению, отнимали у крестьян скот, как в войну, насильно выселяли их целыми деревнями и присылали за будущими ликвидаторами «воронки», как во времена репрессий. Еще одной причиной для претензий является недолжное отношение к памяти о чернобыльской аварии, будь то неправильная тональность «праздника» в честь 10-летней годовщины взрыва или отсутствие в «столице русского Чернобыля» настоящего памятника ликвидаторам и жертвам катастрофы.

Повествования о последствиях радиационного заражения построены на противопоставлении невероятного изобилия (богатый урожай в огородах, садах и лесах, хорошее продуктовое снабжение) и серьезного изъяна, который во всем этом скрывается (местная еда — отравленная, «чистые» продукты в магазинах — консервированные). Приметой поразившего Новозыбков бедствия оказывается и недружественное и несправедливое отношение со стороны внешнего мира: предложение всех сжечь, нелепые слухи о происходящем на Брянщине, боязнь радиоактивной «заразы» и обращение с людьми как с подопытными кроликами.

Этот набор мотивов и формирует новозыбковский нарратив об аварии на АЭС в Чернобыле, в котором данное сообщество выражает свои эмоции и оценки исторического события, в значительной степени сформировавшего лицо сегодняшнего Новозыбкова.

[67] ДС — м., 2000. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

Литература

Алексиевич, С. А. (1997). *Чернобыльская молитва. Хроника будущего.* WebKniga. — (Голоса Утопии).

Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Козлова, И. В., Пейгин, Б. С., Гаврилова, М. В., Петров, Н. В. (2020). Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, *2020*(6), 4–38.

Богатырев, П. Г., Якобсон, Р. О. (1971). Фольклор как особая форма творчества. В П. Г. Богатырев. *Вопросы народного творчества*, 369–383. М.: Искусство.

Гаврилова, М. В. (2020). Водка, сода и чеснок. «Народные» лекарства против страхов. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 224–260.

Astapova, A. (2020). Chernobyl conspiracy theories. From American sabotage to the biggest hoax of the century. In A. Astapova, O. Colăcel, C. Pintilescu, T. Scheibner (Eds.). *Conspiracy theories in Eastern Europe: Tropes and trends*. Miltonpark: Routledge.

Bodrunova, S. (2012). Chernobyl in the eyes: Mythology as a basis of individual memories and social imaginaries of a "Chernobyl child". *Anthropology of East Europe Review*, *30*(1), 13–24.

DiMarco, D. (2007). *Tower stories: An oral history of 9/11*. Santa Monica: Santa Monica Press.

Fialkova, L. (2001, Sep.–Dec.). Chornobyl's folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research, 38*(3), 181–204.

Graff, G. M. (2019). *The only plane in the sky: An oral history of 9/11*. NY: Avid Reader Press.

Johnson, E. D. (2019). Remembering Chernobyl through the lens of post-Soviet nostalgia. In O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). *Post-Soviet nostalgia*. Miltonpark: Routledge.

Horigan, K. G. P. (2013). *"They probably got us all on the news": Personal narratives and public trauma in post-Katrina New Orleans*. (Unpublished dissertation). The Ohio State University, Columbus.

Kasperski, T. (2012). Chernobyl's aftermath in political symbols, monuments and rituals: Remembering the disaster in Belarus. *Anthropology of East Europe Review, 30*(1), 82–99.

Kürti, L. (1988). The politics of joking: Popular response to Chernobyl. *The Journal of American Folklore, 101*(401), 324–333.

Romashko, E. (2020). Russian Orthodox icons of Chernobyl as visual narratives about women at the center of nuclear disaster. In H. Kupari, E. Vuola (Eds.). *Orthodox Christianity and gender dynamics of tradition, culture and lived practice*, 190–209. Miltonpark: Routledge.

Stsiapanau, A. (2010). The Chernobyl politics in Belarus: Interplay of discourse-coalitions. *Filosofija. Sociologija, 2010*(2), 143–150.

Sydow, von C. W. (1934). Kategorien der Prosa-Volksdichtung. In *Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstage dargebracht*, 253–268. Berlin–Leipzig.

References

Alexievich, S. (1997). *The Chernobyl prayer. A chronicle of the future*. WebKniga. — (Golosa Utopii). (In Russian).

Arkhipova, A., Radchenko, D., Kozlova, I., Peigin, B., Gavrilova, M., Petrov, N. (2020). Specifics of infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2020*(6), 4–38. (In Russian).

Astapova, A. (2020). Chernobyl conspiracy theories. From American sabotage to the biggest hoax of the century. In A. Astapova, O. Colăcel, C. Pintilescu, T. Scheibner (Eds.). *Conspiracy theories in Eastern Europe: Tropes and trends*. Miltonpark: Routledge.

Bodrunova, S. (2012). Chernobyl in the eyes: Mythology as a basis of individual memories and social imaginaries of a "Chernobyl child". *Anthropology of East Europe Review*, *30*(1), 13–24.

Bogatyrev, P., Jacobson, R. (1971). Folklore as a special form of creativity. In P. Bogatyrev. *Questions of folk art*, 369–383. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

DiMarco, D. (2007). *Tower stories: An oral history of 9/11*. Santa Monica: Santa Monica Press.

Fialkova, L. (2001, Sep.–Dec.). Chornobyl's folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research, 38*(3), 181–204.

Gavrilova, M. (2020). Vodka, baking soda and garlic: "Folk" remedies against fear. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 224–260. (In Russian).

Graff, G. M. (2019). *The only plane in the sky: An oral history of 9/11*. NY, Avid Reader Press.

Horigan, K. G. P. (2013). *"They probably got us all on the news": Personal narratives and public trauma in post-Katrina New Orleans*. (Unpublished dissertation). The Ohio State University, Columbus.

Johnson, E. D. (2019). Remembering Chernobyl through the lens of post-Soviet nostalgia. In O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). *Post-Soviet nostalgia*. Miltonpark: Routledge.

Kasperski, T. (2012). Chernobyl's aftermath in political symbols, monuments and rituals: Remembering the disaster in Belarus. *Anthropology of East Europe Review, 30*(1), 82–99.

Kürti, L. (1988). The politics of joking: Popular response to Chernobyl. *The Journal of American Folklore*, *101*(401), 324–333.

Romashko, E. (2020). Russian Orthodox icons of Chernobyl as visual narratives about women at the center of nuclear disaster. In H. Kupari, E. Vuola (Eds.). *Orthodox Christianity and gender dynamics of tradition, culture and lived practice*, 190–209. Miltonpark: Routledge.

Stsiapanau, A. (2010). The Chernobyl politics in Belarus: Interplay of discourse-coalitions. *Filosofija. Sociologija, 2010*(2), 143–150.

Sydow, von C. W. (1934). Kategorien der Prosa-Volksdichtung. In *Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstage dargebracht*, 253–268. Berlin–Leipzig. (In German).